

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОРОЛЬ ЗВОНИЛ НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ

Я сидела на деревянных мостках, опустив ноги в воду по косточки. Казалась, я обута в эту речку — на ногах прохладные туфли из текучей воды. И если встану — смогу пройти по гладкой поверхности, выбраться на другой берег, где жуют траву три коровы, одна черно-белая и две рыжие с пятнами.

Был август. Над водой висели стрекозы, каждая над своим неподвижным отражением. Я сидела на разошедшихся деревянных мостках в маленьком пятнышке тени, и это пятнышко понемногу сдвигалось, отступало от воды. Скоро я окажусь на солнце, а это жара, жара...

Уже десять дней я в лагере. Ничего особенного, деревянные домики в редком лесу, до реки топать минут двадцать. Никто нас особенно не развлекает, но и не воспитывает тоже. Сколько уютно можно сидеть на берегу, валяться на траве, бултыхаться в мелкой речке, глядя на коров и стрекоз, смотреть старые фильмы на

кассетах, болтать ногами по вечерам на скамейке, скушать, пока девчонки пересказывают сплетни...

Первые дни мне нравилось — после целого лета в пыльном городе. Рядом был Макс Овчинин: он три недели провел на море, вернулся загорелый и веселый, очень довольный собой, потому что в последний день решился и прыгнул с какой-то там скалы. Эта скала в его рассказах становилась все выше, в конце концов получилось, что Овчинин чуть ли не с Ай-Петри сиганул.

Мне скоро надоело его слушать. Да и у него нашлись какие-то новые друзья, какие-то старшие парни, с которыми они вместе ловили рыбу и ходили в поселок, в магазин, за пивом. Я пиво терпеть не могу. Овчинин тоже его не любит. Какую только гадость не станешь в себя вливать, только бы понравиться взрослым друзьям...

Я поболтала ногами в воде, и мои речные ботинки превратились в стаю пузырьков. Он хороший парень, нет между нами никаких обид... А если есть, то по моей вине, я совсем не сахар.

Девчонки загорали на берегу, на расстеленном одеяле. Дальше по течению, в воде по колено, серьезный малыш лет двенадцати ловил рыбу, и за его спиной сидели бок о бок две полосатые кошки, неотличимые, как отражения. Солнце припекало; скоро придется убраться с берега обратно в лагерь. Я улеглась на раскошеенное дерево мостков и надвинула кепку на глаза.

Я маг дороги. С каждым днем это мое знание становится все бледнее, все призрачнее. Скоро я сама поверю, что все мои приключения — выдуманные, пережитые во сне или в мечтах.

За последние несколько месяцев я выросла из всей своей старой одежды. И мне порой кажется,

что я из Королевства вырастаю тоже. Я до сих пор помню каждое свое приключение — подробно, но отстраненно, будто я сама прочитала об этом, а не пережила.

Муха села мне на нос. Я отмахнулась, она для приличия взлетела и тут же защекотала лапками щеку. Я попыталась поймать ее в кулак: ее и след простыл. Мухи безмозглые, но прекрасно чувствуют, когда от них просто отмахиваются или когда всерьез примериваются схватить.

Я снова улеглась на доски. У коровы на том берегу позванивал колокольчик — глуховато, сонно. Коровам дан хвост, чтобы отмахиваться от мух...

Трудно представить, что мое Королевство так же реально, как эти коровы, как вода, как жесткий козырек у меня на глазах. Трудно представить...

Наверное, я задремала.

— Лапина!

Очень громкий голос, взволнованный, резкий. Я села, стягивая с головы кепку. Прямо передо мной стояли тяжелые ботинки, из них возвышался в небо охранник — знакомый, из лагеря. «Секьюрити» в лагере было два, они дежурили по очереди и были уже довольно старые, толстые. К счастью, никто на нашу безопасность не покушался.

— Лапина! Ты слышишь?!

Я поднялась.

Охранник был очень красный. Всклопоченный — бежал под солнцем всю дорогу от лагеря, это с его-то одышкой! И смотрел он на меня как-то странно. Не хорошо смотрел.

— Там тебя... спрашивают. Быстро к начальнику лагеря. Быстро!

Что-то случилось дома?!

Мама дала мне с собой мобильник, вчера вечером мы разговаривали, и все было в порядке. А утром, собираясь на пляж, я выключила телефон и оставила у директора в сейфе — мы все так делали, у нас ведь на домиках замки совсем смешные...

— Что такое?

— Ничего не знаю. Быстро!

Девчонки, приподнявшись на локтях, глазели на меня с любопытством. Мальчишка-рыболов выдернул из воды крошечную тюльку, она блеснула на солнце...

Я сунула мокрые ноги в спортивные тапочки. Под пятку подвернулся камушек, кольнул, будто иголкой. Я зашипела сквозь зубы и, прихрамывая, на ходу переобуваясь, припустила по тропинке прочь от берега, к лагерю.

Возле административного корпуса стояла машина, синий «Опель». У скамейки топтался Макс Овчинин с белым пластиковым кульком в руках, но мне было не до Овчинина; я взбежала по бетонным ступенькам крыльца. Начальник лагеря был пенсионер, не очень старый, раньше работал прорабом. К нам он очень неплохо относился, с юмором, во всяком случае. Но сейчас я его не узнала.

Он стоял посреди своего маленького кабинета — остатки волос дыбом, лицо бледное, губы крепко сжаты. Когда я вбежала в распахнутую дверь — без стука, надо сказать, в мятых шортах, тапочки и ноги по колени в пыли — он уставился на меня, будто впервые видел. Будто только что узнал про меня, что я не девочка, а оборотень-террорист.

— Здравствуйте, Игорь Борисыч... Что случилось?

— Вот она, — сказал начальник очень холодно, и вовсе не мне.

Тогда только я заметила, что у окна, в кресле, сидит еще один человек — против света, так что я видела только его силуэт. Гладко причесанные волосы. Плотнo прилегающие к голове уши. Очень прямая осанка — как у военных в старом кино.

— Вот Лапина Елена. Я так понимаю, необходимо присутствие родителей? Адвоката? Как-то так, если по закону?

У начальника дрожал голос. То казалось, что он в ярости. То, наоборот, что он очень испуган и с трудом прячет страх.

— Адвоката? — переспросила я тупо. — Что случилось? Моя мама звонила?

— Да что ты строишь из себя! — вдруг взорвался начальник, таким раздраженным я его никогда еще не видела. — Не понимаешь, да? Взяли твою подельницу, с которой ты квартиры чистила! Она на тебя навела, при обыске все нашли!

— При обыске?

Я поняла, что схожу с ума. Наверное, перегрелась на солнце. Валяюсь сейчас на берегу, вокруг хлопочут перепуганные девчонки... А я потеряла сознание как раз в тот момент, когда мне померещилось, что меня окликнул охранник...

— К нам приехал оперуполномоченный по делам несовершеннолетних, — глухо сказал начальник. — Вот с ним разбирайся.

Я посмотрела на темный силуэт напротив окна. Мужчина был в штатском. Я по-прежнему не могла разглядеть его лица.

— Так что, звонить родителям? — все так же глухо спросил начальник.

— Сперва мы побеседуем с гражданкой Лапиной, — сказал мужчина у окна. — Есть у вас свободное помещение?

* * *

Библиотека в такой час пустовала. Было очень жарко и пахло книгами. Форточка с треснувшим стеклом едва цедила свежий воздух.

— Спасибо, — сказал оперуполномоченный начальнику. — Можете идти.

Тот помялся и вышел, прикрыв за собой дверь. Я посмотрела наконец-то в лицо этому самому оперу.

Он был очень бледный. С очень светлыми волосами. С черными, необычно черными глазами на узком лице. В черном костюме и черной рубашке, перехваченной у шеи черным галстуком.

Он был молодой. Странно молодой для опера, пусть даже и по делам несовершеннолетних. Но одежда, повадки, манера смотреть делали его старше. А держался он так, будто у него двести лет рабочего стажа.

И он был мне знаком.

Минуту мы смотрели друг на друга. Я знала его, я его раньше видела... При каких-то не очень приятных обстоятельствах...

— Ты не изменилась. Это хорошо.

Я нащупала стул и села.

Прошло четыре месяца со времени моего последнего визита в Королевство. Там время идет быстрее.

— Сколько тебе лет?!

— Маги вне возраста, Лена. Не мучай себя подсчетами.

— Максимилиан, — простонала я.

Это был он — мальчишка-маг, некромант, которого я несколько раз спасла от смерти. Который и меня когда-то спас, но перед этим — предал, бросил на верную гибель, даже не поморщившись. Вот уж такого

гонца из Королевства мне никогда не хотелось бы здесь видеть.

Он ухмыльнулся уголками тонкого рта.

— Что, не рада?

— Нет!

— Зря. Потому что ты — опасная несовершеннолетняя преступница, и твоя судьба в моих руках.

— Ври, да не завирайся, некромант.

— Ты как разговариваешь со старшими? — он ухмыльнулся шире, блеснул белыми острыми зубами.

Я сжала кулаки. В прошлую нашу встречу он был чуть младше меня, но уже тогда смертельно опасный. Чего от него ждать теперь, да еще здесь, в моем обычном мире — я понятия не имела.

— Оперуполномоченный по делам несовершеннолетних... — я говорила нарочито медленно, выкраивая себе время на размышление. — Такая должность в природе существует? Ты уверен?

— Главное, чтобы они, — Максимилиан кивнул на дверь, — были уверены. — А я умею убеждать, — и он снова ухмыльнулся.

Я набрала в грудь воздуха — и не нашлась, что ответить. Слишком внезапно свалилось несчастье, еще полчаса назад я мирно дремала у речки... Что некромант может мне сделать? Как мне защищаться?

Как он сюда попал?!

Только опытный, могущественный маг может ходить между мирами. Помнится, у Гарольда, моего друга, были с этим проблемы... «Только в свой мир всегда легко возвращаться», — так говорил Оберон. Король Оберон! Вот у кого есть управа на Максимилиана. Вот кого должен бояться самозванный опер!

— Его величество не предупредил, что ты явишься, — сказала я небрежно. — Что ему передать?

У него что-то изменилось в глазах. Мне на секунду показалось, что имя Оберона отрезвило некроманта, и теперь он не посмеет больше надо мной издеваться. Как бы не так; Максимилиан задрал подбородок:

— Не предупредил? Еще бы. Его величество ничего тебе не сообщает о делах в Королевстве. Не считает нужным.

Некромант попал в больную точку. Я часто обижалась на Оберона за его, как мне казалось, равнодушие. Стоит мне оказаться в своем мире, как обо мне забывают: спасибо, Лена, свободна, можешь идти.

— А относительно «что передать», — продолжал Максимилиан, с удовольствием за мной наблюдая, — так ведь король тебе не звонит. И у тебя нет с ним связи. Он великий волшебник, ходит между мирами, как ты между ванной и кухней. Хотел бы — оставил бы ниточку.

С превеликим трудом я взяла себя в руки. «Я некромант, — сказал когда-то Максимилиан. — Где ты видела, чтобы некроманты были хорошими?» Не стоит верить чужим ядовитым словам. Даже когда они кажутся справедливыми.

— Зачем ты пришел?

— Повидать тебя.

— Очень рада. Оболгал меня, ославил, выставил какой-то воровкой... Не думай, что это тебе сойдет с рук.

Он поднял брови.

— Да! — сказала я с вызовом. — Здесь тебе не... не замок Принца-деспота! У тебя и документов нет, ты самозванец! В любом отделении полиции тебя раскусят, как орешек!

— Ты уверена?

— Посмотрим!

Я старалась быть дерзкой и спокойной, но на самом деле боялась все сильнее. Начальник лагеря уже наверняка позвонил маме. Рассказал весь этот бред. И мама, сорвавшись с работы, примчится... Она, конечно, моим словам поверит, но неужели мне придется доказывать еще кому-то, что я не грабительница... Погодите, а что он там говорил про обыск?!

— Ты врал про обыск?

— А ты как думаешь?

— Врал, — сказала я, и голос дрогнул. А что, если нет? Если некромант обуздал неведомые силы в моем собственном мире? И сейчас у нас дома в самом деле идет обыск, и у меня из-под свитеров в шкафу вытаскивают украденные чужие вещи?!

— Твоя поделщица учится в вашей школе, — мягко сказал Максимилиан. — Ты вынимала ключи из карманов пальто в гардеробе, а потом вы вместе шли и обворовывали квартиры, когда точно знали, что там никого нет. И клали ключи на место. Отлично срабатывало, пока вас, наконец, не увидела соседка...

— Это бред и неправда, это легко проверить!

— Легко, — он кивнул. — Соседка тебя узнает. А эта девочка, с которой ты ходила на дело, Зайцева Людмила...

— Зайцева?!

Я поняла, что сейчас зареву. Он громоздил клевету на клевету, но делал это так спокойно и уверенно, что я мало-помалу убеждалась: это правда. Некромант на такое способен.

— Если бы у нас был обыск, мать бы уже прибежала сюда...

— А если она дает показания и не может отлучиться? Звонит тебе... Где твой мобильник, выключен?

Я маг дороги. Боевой маг. У меня нет посоха, но дать себя раздавить, как трухлявый гриб, — недостойно моего звания. А Максимилиан был близок к этому. Очень близок.

— Я тебе не верю. Ты... Чего тебе надо?!

У него были черные глаза. Очень черные на белом лице.

— Ленка, ты нужна в Королевстве. Именно сейчас. Поэтому я пришел, чтобы тебя забрать.

— Что... Да ты что... Пошел ты на фиг!

— Послушай, дело очень плохо. Идет нашествие Саранчи, это такие пустынные варвары. Их сотни тысяч, они сровняют все с землей и камня на камне не оставят.

Он говорил очень серьезно, глядя мне прямо в глаза.

— Что ты... опять врешь, да?!

— Нет.

— А Оберон...

— С Обероном особая история. Он... его нет дома. Вместо него сейчас Гарольд. Я предлагаю Гарольду союз, а он не хочет.

— Потому что ты обманщик и негодяй!

— Нет, потому что я некромант. А у Гарольда пред-
рассудки.

— Просто он умнее!

— Гарольд? Умнее? Не смеди меня. Он смотрит на мир вот так, — Максимилиан сложил из ладоней что-то вроде лошадиных шор. — Узко. Ты нужна в Королевстве, во-первых, как союзник, а во-вторых, чтобы убедить твоего друга Гарольда: я достоин доверия.

— Ты? Достоин доверия?! Да что ты делаешь-то со мной! Ты же...

— Пойдем в Королевство — сейчас. Вернемся — все поправим.

— Вот, — я свернула из пальцев фигу. — Вот так я купилась на твои враки.

— Зря. Потому что я говорю правду. А Саранча в трех переходах от столицы.

— Не верю!

— Что, не идешь в Королевство?

— Нет!

— А если я засажу тебя в колонию для несовершеннолетних?

Я сглотнула.

— Найди себе дохлую крысу и ее запугивай. Я плевать на тебя хотела, Максимилиан. Я раньше тебя побеждала — всыплю и сейчас.

— Прямо-таки всыплешь?

— Иди на фиг!

— Жаль, — он отвернулся. — Тебя как по отчеству? Васильевна?

— Александровна!

— Счастливо оставаться.

Он потянул на себя скрипучую дверь библиотеки. Тут же выскочил из кабинета начальник. Я слышала, как Максимилиан говорит с ним в коридоре.

— Ошибка вышла, — сказал Максимилиан. — Приношу извинения от имени всей полиции. Та девочка — Лапина Елена Викторовна, а эта — Елена Александровна, случилось досадное недоразумение. До свидания.

И ушел, оставив начальника стоять столбом.

Только через несколько секунд, когда внизу уже завелась машина, начальник пришел в себя и завопил:

— Да как же так можно! Да это же... Я ее родителям уже позвонил! Вы что делаете!

Машина укатила. Притормозила в воротах, чтобы дать дорогу белым «Жигулям», на которых приехала в лагерь моя мама.

* * *

Она так кричала на начальника, что мне сделалось его жалко. Мама требовала имя, фамилию, отчество опера, номер его удостоверения, еще что-то, а начальник ничего этого не помнил, хотя опер — совершенно точно! — показывал ему документы. Мама кричала, что ее чуть не хватил инфаркт, что она уехала с работы, что она заплатила водителю, что она все это вычтет из зарплаты начальника и еще сверх того, потому что ребенку нанесена моральная травма. Сбежались все ребята и девчонки, и было очень неприятно, что Макс Овчинин тоже стал свидетелем этого скандала.

— На тебе, знаешь, лица не было, когда ты к корпусу подбегала, — он почему-то казался виноватым. — Я перепугался, честное слово.

— Разговор слышал?

— Нет... А опера видел. Странный мужик. Весь в черном — и белый-белый... На вампира похож.

— Близко, — признала я невесело. — Он некромант.

— Что?

Тут нас прервали — мама заявила, что забирает меня домой. Я хотела было возразить, но передумала — смены-то осталось два дня, а мама так расстроилась из-за этой истории, что не хотелось с ней еще и спорить. Начальник сопел, как побитая собака; ему, человеку честному и ответственному, досталось ни за что ни про что, но как его утешить, я не знала.

Ребята и девчонки так жалели, что я уезжаю, что мне даже сделалось лестно. История о том, как

полоумный мент сперва обвинил меня в убийстве целой кучи народу, а потом сказал, что обознался, будоражила и поварих, и уборщиц, и воспитателей, и физрук. А я бросала вещи в чемодан, как в замедленной съемке, и все пыталась сообразить: это было на самом деле? Мне не приснилось? Максимилиан?!

* * *

Верить некроманту нельзя, даже если он говорит правду.

За десять дней в лагере я успела отвыкнуть от собственного дома. Комната показалась меньше, кухня, наоборот, больше; братья подросли и даже, кажется, поумнели. Привычный мир обступил меня, будто желая отвлечь, развеять, вытеснить у меня из головы все мысли о Максимилиане и Королевстве.

Что там говорил этот бледный сморчок?

«Идет нашествие Саранчи, это такие пустынные варвары. Их сотни тысяч, они сровняют все с землей и камня на камне не оставят...»

Волшебному Королевству время от времени приходится за себя постоять. Людоеды, пираты... разбойники... враги. На то в Королевстве есть воины, есть стражники, есть маги дороги... и король Оберон, великий волшебник, умеющий летать и ходить между мирами. С ним ничего не страшно, любые враги разбегаются от одного его имени. Пусть, в самом деле, идет Саранча — Оберон что-нибудь придумает...

«Он отлучился по личному делу».

Нет у Оберона никаких личных дел! Когда Королевству грозит опасность, Оберон не может его оставить! Это просто невозможно!